

В. Иконникова

**Опыт исследования о культурном значении
Византии в русской истории**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И42

И42 **Иконникова В.**
Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории / В. Иконникова – М.: Книга по Требованию, 2021. –
577 с.

ISBN 978-5-518-08269-4

ISBN 978-5-518-08269-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ществу, и только отдѣльные умы, создавая новое, разрывали завѣтныя связи съ школою, изъ которой они вышли.

Узкій объемъ школьнаго обученія древней Россіи; безусловное довѣріе къ книгѣ, при недостаткѣ научной критики; наконецъ смѣшеніе древнихъ языческихъ представленій съ новыми христіанскими, переработанными народнымъ понятіемъ въ своеобразную форму, при общемъ недостаткѣ научныхъ знаній, произвели ту особенную культуру, которая такъ отличаетъ нашу древній бытъ отъ другаго. Продолжительность же этого періода закрѣпила старыя понятія въ обществѣ такъ сильно, что долго самый выходъ изъ такого состоянія казался невысказаннымъ: отсюда возникаетъ та упорная борьба въ понятіяхъ, которая особенно характеризуетъ XVII вѣкъ, и наконецъ «насильственный» переворотъ начала XVIII вѣка.

Въ строгомъ смыслѣ слова, до XVII вѣка у насъ не было науки; наша литературная дѣятельность до того времени вѣрно характеризуется названіемъ *книжность*. Она стояла въ самомъ тѣсномъ отношеніи къ религіи и была ея результатомъ; книжность должна была удовлетворять только религіознымъ потребностямъ. Это подтверждаютъ характеръ школы, содержаніе книгъ и общій уровень знаній.

Училища въ Россіи начинаются вмѣстѣ съ христіанствомъ. Владиміръ Св. велѣлъ брать дѣтей у лучшихъ гражданъ и отдавать на ученіе книжное ¹⁾. Забывая справедливо полагаетъ, что назначеніе послѣдняго состояло въ приготовленіи ихъ—быть наставниками и служителями новой вѣры ²⁾. Этимъ объясняется и свидѣтельство летописца, что матери оплакивали чады своихъ, какъ мертвецовъ, потому что не утвердились еще въ вѣрѣ ³⁾. Плачь этотъ не былъ просто результатомъ отбранія дѣтей въ школу; но въ своихъ дѣтахъ матери-язычницы видѣли будущихъ проповѣдниковъ новой вѣры; а извѣстно, что женщина не такъ скоро разстается съ преданіемъ и прежнимъ положеніемъ; домашній очагъ слишкомъ привязываетъ ее къ старинѣ. Въ слѣдъ за тѣмъ мы встрѣчаемъ нѣсколько извѣстій объ училищахъ въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи, въ разныхъ мѣстахъ: Ярославъ I, прійдя въ Новгородъ, основалъ тамъ (1030 г.) училище на 300 дѣтей,

¹⁾ Полн. собр. рус. лѣт. I, 51.

²⁾ Домаш. бытъ русск. царей, Отеч. запис. 1854. № XII, 87.

³⁾ Полн. собр. рус. лѣт. I, 51.

взятыхъ у духовныхъ лицъ и старость новгородскихъ ¹⁾); Романъ Ростиславичъ завелъ училища въ Смоленской области; В. К. Всеволодъ Ярославичъ давалъ поданія на училища; а его дочь Янка основала училище при кievскомъ Андреевскомъ монастырѣ. Кроме того, упоминаются училища въ Курскѣ, во Владимірѣ-Волинскомъ, въ Галицкой области, заведенныя при монастыряхъ королемъ Галицкимъ Ярославомъ Владиміровичемъ. Позже встрѣчаются еще въ Черни, В. Новгородѣ и Москвѣ ²⁾).

Но въ развитіи научныхъ понятій важно не столько количество школъ, сколько ихъ характеръ, объемъ обученія и направленіе школы; въ особенности въ то время, когда только полагается основаніе образованности и устанавливается ея назначеніе въ жизни. А въ этомъ отношеніи русская школа до XVII в. неизмѣнно сохраняетъ одинъ и тотъ же характеръ, нисколько не развиваясь съ теченіемъ времени; напротивъ, въ свидѣтельствахъ XV, XVI и начала XVII в. мы имѣемъ доказательства ея упадка. Характеръ нашей древней школы и грамотности—церковнослужебный: обученіе начиналось *букваремъ*, за которымъ слѣдовали часословъ и наконецъ псалтирь—вънецъ древняго словеснаго ученія и полного курса первоначальной науки ³⁾. Знаніе этихъ книгъ было наиболѣе необходимо въ церковномъ обиходѣ; и потому старались, чтобы онѣ были усвоены цѣлкомъ: такимъ образомъ заучиванье наизусть сдѣлалось главною цѣлью въ школьномъ преподаваніи ⁴⁾. Изъ школы и отъ духовныхъ наставниковъ уваженіе къ псалтири перешло въ жизнь: такъ были особенныя дорожныя псалтири; на псалтири гадали о своей судьбѣ; многія стихи изъ нея перешли въ пословицы, а псалмы послужили образцомъ для духовныхъ стиховъ. Иностранцы замѣтили, что русскіе особенно уважаютъ псалмы Давида, и дѣйствительно рукописныхъ и печатныхъ изданій псалтири до насъ дошло болѣе всѣхъ другихъ духовныхъ книгъ ⁵⁾. Если иногда кругъ этого ученія расширялся, то все-таки въ предѣлахъ церковныхъ и

¹⁾ Полн. собр. рус. лѣт. V, 136.

²⁾ Титищевъ, III, 239, II, 138, 144, 101, 280 Житіе Θεодосіа, Учен. зап. Ак. наукъ по II отдѣл. II, Стоглавъ, гл. 25; Соловьевъ IV, 272.

³⁾ Забѣлинъ, Отеч. записки, 1854, № XII, 88.

⁴⁾ Забѣлинъ, 97, 98.

⁵⁾ Правосл. Собесѣд. 1857 кн. IV. Снегиревъ: Русскія народныя пословицы и притчи. Маржеретъ. 260.

богослужебныхъ книгъ. О состояніи обученія въ древнихъ школахъ мы имѣемъ безпристрастное сужденіе изъ начала XVIII вѣка, когда старались создать новую школу. «*Издравле*, говорится тамъ, русскимъ дѣтководцамъ и учителямъ обычай *былъ и есть* учить малыхъ дѣтей въ началѣ—*азбуку*, потомъ *часословцу* и *псалтири*, а также *писать*; потомъ *нѣкоторые* преподають и чтеніе *апостола*. Возрастающихъ же препровождаютъ къ чтенію *библии*, бесѣдъ евангельскихъ и апостольскихъ, и въ разсужденію высокаго разумѣнія, заключающагося въ тѣхъ книгахъ». Стоглавъ (XVI в.), говоря о бывшихъ училищахъ по городамъ, выражается вообще, что въ нихъ учили грамотѣ: читать, писать и пѣть ¹⁾. Самый методъ ученія состоялъ обыкновенно въ томъ, что учениковъ заставляли читать вслухъ и нараспѣвъ, какъ слѣдовало читать во время церковной службы, а это опять свидѣтельствуеть, что цѣлью книжнаго ученія было только приготовленіе церковнослужителей. На этотъ случай составлялись даже особыя правила какъ пѣть и читать священныя книги ²⁾, которыя помѣщались при самыхъ книгахъ. Конечно въ такомъ ученіи было много механическаго труда и мало сознательной работы. «Старинная грамота, говоритъ Забѣлинъ, являлась дѣтямъ не спусходительною и любящею нянею, какъ теперь, въ возможной простотѣ и доступности, съ полнымъ вниманіемъ къ дѣтскимъ силамъ, а являлась она сухимъ и суровымъ дидакаломъ, съ книгою и указкою въ одной рукѣ и съ розгою въ другой». Этотъ способъ обученія пережилъ свой вѣкъ ³⁾ и долго сохранялся въ той средѣ педагоговъ, которые по преимуществу были руководителями воспитанія древней Руси ⁴⁾.

¹⁾ Забѣлинъ, Характеръ древняго народнаго образованія въ Россіи. Отеч. записки 1856 г. № III—IV, стр. 12. Стоглавъ, глава 25.

²⁾ Достопамятности Москвы, изд. Тромонпнымъ. Москва 1845. 16. Описаніе рукоп. Синод. библ. I, № 3, 48, 56, 53. Царь Алексѣй Михайловичъ на восьмомъ году началъ учить октоихъ или осмогласникъ, заключающій въ себѣ вседневныя церковныя службы, а на десятомъ году *страстное пѣнье*, т. е. пѣсни страстной седмицы. Въ дворцовой казніѣ находились между прочимъ стихиры и тріоди *знаменныя*, т. е. писанныя *подъ знамя* или съ крюковыми полами. Отеч. записк. 1854, № XII, 105 и прилож. V.

³⁾ Забѣлинъ, Домашн. бытъ русск. царей. Отеч. зап. 1851, № XII, 98.

⁴⁾ «Памятно мнѣ, говорятъ Даниловъ (XVIII в.), мое ученіе у брдастаго (пономаря) и до сихъ поръ, по той можетъ быть причинѣ,

Такой объем школьнаго образованія сохранился до введенія училищъ въ XVII в. и потомъ остался достояніемъ пизшихъ школъ до Петра В. Дѣти знаменитаго боярина обучались точно такъ же и по тѣмъ же книгамъ, какъ и дѣти простолюдина. Начитавность того времени была дѣломъ чисто личнымъ. Даже и въ царскомъ быту объёмъ обученія отличался только количествомъ читанныхъ книгъ, а не качествомъ преподаванія. Въ пародномъ быту школьное ученіе оканчивалось псалтиремъ, а во дворцѣ постѣ псалтири учили дѣянія апостоловъ и евангеліе; при чемъ главнымъ образомъ старались, чтобы учитель былъ *кроткій, смиренный и вѣдущій божественное писаніе* ¹⁾. Что же касается до судебной части, говоритъ Забѣляевъ, и до княжескихъ канцелярій, то здѣсь даже и старинная книжпость не всегда процвѣтала: ее исполнѣ замѣнила практика, *навыкъ*, тотъ *навыкъ*, который существовалъ и въ торговомъ дѣлѣ, и въ ремесленномъ, и въ земледѣльческомъ, и во всѣхъ другихъ *художествахъ*. Это образованность приказная, *навыкъ* вести дѣло, составлять бумаги по существовавшимъ образцамъ, подыскивать указы, статьи судебниковъ или уложенія. Это образованность дѣловыхъ бумагъ, гдѣ всѣ науки, необходимыя въ обществѣ, заключались въ массѣ практическихъ знаній о состояніи, средствахъ, силахъ страны, тѣхъ знаній, которыхъ нельзя было не знать, завѣдывая тою или другою частью управленія; тѣмъ или другимъ приказомъ; тою или другою областью, вообще знаній, которыя приобрѣтались постоянною практикою, а не научно, не изъ школы. Весьма естественно, что въ этомъ разрядѣ лицъ чаще, нежели въ дру-

что часто меня сѣкли лозою: я не могу признаться по справедливости, чтобъ во мнѣ была тогда лѣнность или упрямство, а учился я по моимъ лѣтамъ прилежно и учитель мой задавалъ мнѣ урокъ учить весьма умѣренный, по моей силѣ, который я затверживалъ скоро; но какъ намъ, кромѣ обѣда, никуда отъ брудастаго отпуски ни на матѣйшее время не было, а сидѣли на скамейкахъ безвыходно и въ большіе лѣтніе дни великое мученіе претерпѣвали, то я отъ таковаго всегдашняго сидѣнія такъ ослабѣвалъ, что голова моя дѣлалась безпамятна и все, что выучилъ прежде наизусть, при слушаніи урока, въ вечеру и половины прочитать не могъ, за что послѣдняя резолюція—меня, какъ непонятнаго, сѣчь. Я думаю тогда, что необходимо при ученіи терпѣть надлежитъ наказаніе». Записки артиллеріи майора Данилова, написанныя въ 1771 г. М. 1842. 38.

¹⁾ Записки Крекшина, стр. 19.

гихъ, могли являться люди съ большимъ государственнымъ смысломъ, каковы наирямѣръ были думные дяки и нѣкоторые изъ бояръ и другихъ сановниковъ¹⁾. Мы потому сосланись здѣсь на авторитетъ Забѣлина, что онъ представляется въ нашей исторической критикѣ защитникомъ строгой *документальности*²⁾, и стоитъ въ этомъ отношеніи вполне на реальной почвѣ, не увлекаясь личными соображеніями въ объясненіи фактовъ и личными фантазіями³⁾.

Правописаніе древнихъ рукописей показываетъ, что не было даже основательнаго грамматическаго знанія. «Разбирая строго, говоритъ Забѣлинъ, нѣтъ ни одного памятника изъ древней нашей письменности, который былъ-бы писанъ грамматически правильно, съ строгимъ соблюденіемъ отъ начала до конца принятой орфографіи, вѣрно, отчетливо. Многіе изъ нихъ писаны даже изъипро; но нерѣдко въ одномъ и томъ же словѣ принятая орфографія вовсе не соблюдалась. Здѣсь все заключалось въ большей или меньшей добросовѣстности переписчика, въ большемъ или меньшемъ *рабочьномъ переводѣ* подлинника. Буквальный копистъ часто оказывался лучше мудреца, передѣльваващаго по-своему, и чѣмъ дальше уходило время, тѣмъ болѣе водворялось своеволіе писцовъ⁴⁾».

Свѣтская мудрость не закрадывалась въ древнерусскую школу. Азбука у тогдашнихъ грамотниковъ называется лѣствицею къ изученію часовника, псалтири и божественныхъ догматовъ⁵⁾; а грамматика назпачалась для того, чтобы знать «какъ писать и читать каждую по-словницу во святыхъ книгахъ⁶⁾». Знатоки книгъ представлялись современникамъ «великими философами» и «учительными людьми»; но тутъ же вся эта мудрость сводится только на знаніе священнаго писанія или церковныхъ книгъ. Въ этомъ заключалась «вся грамота», по понятіямъ даже начитанныхъ книжниковъ, а выраженіе *книга* означало

1) Забѣлинъ, Отеч. записки, 1851, № VII, 91, 98. Отеч. зап. 1856, III—IV, 18.

2) Характеръ древняго народнаго образованія въ Россіи, Забѣлина, Отеч. записки, 1856, № III—IV, 19.

3) Забѣлинъ, Размышленія о современ. задачахъ рус. исторіи и древностей. Отеч. зап. 1860, № XI, 95—143.

4) Забѣлинъ, Отеч. зап., 1856, III—IV, 13, 14.

5) Ibid. Отеч. запис. 1854, XII, 95.

6) Опис. Рум. музея. 1.

вообще только священную книгу ¹⁾. Знаніе такой мудрости ведетъ непосредственно къ спасенію души, очищенію грѣховъ и благамъ будущей жизни ²⁾.

При такомъ характерѣ книжности, удовлетворяющемъ исключительно церковнымъ потребностямъ, образовалось въ скоромъ времени мнѣніе, что занятіе книгами дѣло не простаго гражданина, а только церковника. Въ XII вѣкѣ говорилъ: «мы имѣемъ женъ и кормимъ дѣтей», «мы служимъ князю и содержимъ власть», «мы занимаемся ремесломъ», прибавляя при этомъ: «не наше дѣло заниматься чтеніемъ книгъ, а чернецкое» ³⁾. А въ XIII в. многіе не считали нужнымъ заниматься изученіемъ и св. писанія ⁴⁾; потому что для спасенія души можно было обойтись однимъ *слушаніемъ* книгъ, для котораго даже были особыя правила ⁵⁾. Въ дѣйствительности, мы имѣемъ нѣсколько примѣровъ, что лица высокопоставленныя были малограмотны или не знали совсѣмъ грамоты. Такъ Дмитрій Донской не былъ хорошо наученъ книгамъ, Василій Темный былъ неграмотенъ ⁶⁾. Въ XVI вѣкѣ встрѣчаются записи и грамоты, въ которыхъ сказано, что князья и дѣти боярскіе не приложили къ нимъ рукъ своихъ, потому что «не умѣютъ грамотѣ» ⁷⁾. Грамота была низведена на степень ремесла, необходимаго для отправленія церковной службы—и только.

Пока религіозная потребность была не велика, то недостатка въ книжныхъ людяхъ не было замѣтно; но съ распространеніемъ христіанства она возрастала: въ Новгородѣ до 1229 г. было построено 69 церквей, а между 1229—1462 г. не менѣе 150 ⁸⁾. Въ началѣ XVII вѣка въ Москвѣ было—по городамъ и селамъ 1½ тысячи церквей и при нихъ 18 тысячъ клира; да кромѣ того у богатыхъ бояръ вопелъ обы-

¹⁾ Патерикъ, листъ 194. Полн. собр. рус. лѣт. I, 65, 66, 79, 188, 190. II, 218. Татищевъ, IV, 70. Никоновская, IV, 111. Шевыревъ, III, 35.

²⁾ Полн. собр. рус. лѣтоп. 65—66. Опис. рукоп. Рум. муз. 231. Опис. рукоп. Синод. библ. II, 623. Правосл. собес. 1858, июнь, 157, 177, 179; 1862 г. февраль, 135, 140, 151.

³⁾ Рукоп. графа Уварова, II, выпускъ I, стр. 71.

⁴⁾ Обзоръ духов. литер. Филарета, 57.

⁵⁾ Правосл. собес. 1853, июнь. 174, 157.

⁶⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, IV, 349.

⁷⁾ Собр. госуд. грамотъ, I, № 184, 556.

⁸⁾ Соловьевъ, III, 34, IV, 231.

чай имѣть у себя домовныя церкви, за служеніе въ которыхъ попы получали по договору деньгами и натурою ¹⁾). Такимъ образомъ потребность въ церковнослужителяхъ должна была усилить съ одной стороны поступленіе въ клиръ, съ другой—подготовленіе къ церковнымъ обязанностямъ. Но если одни поступали въ клиръ по влеченію, то гораздо болѣе шло въ церковнослужители, желая избавиться отъ гражданскихъ повинностей; такъ какъ большая часть поступающихъ состояла изъ людей простаго званія или крестьянскаго сословія. »*Церквей много настааленно*, говоритъ лѣтописецъ во второй половинѣ XV вѣка, *и всякій, не желая заниматься рукодѣліемъ, идетъ въ попу*, и изъ того явлетъ» ²⁾). Очевидно, что ремесленный взглядъ на свои обязанности вносилъ такой же взглядъ и въ подготовку къ этимъ обязанностямъ, т. е. въ обученіе. Добиваясь священства, эти лица заботились не о разумномъ знаніи грамотности, а только о выполненіи, и то съ грѣхомъ пополамъ, церковнаго круга, лишь-бы достигнуть цѣли. Въ слѣдствіе такой нужды явился особый родъ грамотниковъ, которые въ свою очередь *кормились* этимъ выгоднымъ промысломъ, тоже не заботясь объ осмысленіи своей работы. Это были уже *мастера*. Такое печальное состояніе учебнаго дѣла лучше всего видно изъ грамоты Геннадія, архіепископа новгородскаго, къ митрополиту Симону: »*Вотъ, пишеть онъ, приводятъ ко мнѣ мужика; я приказываю ему читать апостолъ, а онъ и ступитъ не умѣетъ, приказываю дать ему псалтирь, а онъ и по той едва бредетъ* (слѣдовательно псалтирь считалась важнѣе). Я отказываю ему, и на меня жалобы: *земля, господине, такова, не можемъ добыть етобы умѣлъ грамотъ*. Вотъ и обругалъ всю землю, будто вѣтъ человѣка на землѣ, его бы ставить въ священство. Бьютъ мнѣ челомъ: *пожалуй, господине, вели учить*. Приказываю учить эктенію, а онъ и къ слову пристать не можетъ; ты говоришь ему то, а онъ другое. Приказываю учить азбуку, и они, не много поучившись азбукѣ, просятъ прочь, не хотять учить ея. А у меня духа не достаетъ ставить неучей въ священники. *Мужики невѣжи учатъ ребятъ грамотъ и только портятъ; а между тѣмъ за ученіе вечерни приноси мастеру кашу да гривну денегъ, за утреню тоже или и больше; за часы особо... А отойдетъ отъ мастера—и ничего не умѣетъ—едва, едва бредетъ по*

¹⁾ Котошихинъ, о Россіи, гл. VI, XIII.

²⁾ Полн. соб. рус. лѣтоп. VI, 186.

книгъ; и церковнаго порядка вовсе не знаетъ¹⁾. При этомъ Геннадій хлопоталъ о заведеніи училищъ: очевидно, что ихъ уже не существовало, потому что онъ предлагалъ такой же кругъ ученія, какой былъ въ древнемъ періодѣ²⁾. Съ тѣхъ поръ, какъ грамотность низшла до простаго ремесла, пригоднаго на извѣстный случай, а мастера захватили въ свои руки этотъ выгодный промыселъ, училища, лишеныя постоянныхъ средствъ и поддержки общества, неминуемо должны были пасть. А насколько въ тогдашнемъ обществѣ не доставало болѣе нравственныхъ стремленій — доказывается весьма выдающимся фактомъ изъ второй половины XV вѣка. Когда митр. Θεодосій вздумалъ собирать въ Москвѣ еженедѣльно духовенство для поученія и наставленій, то въ средѣ его поднялся такой ропотъ, что Θεодосій принужденъ былъ оставить митрополию³⁾.

Но, какъ видно, и вверху скромныя требованія Геннадія не произвели надлежащаго впечатлѣнія, потому что въ половинѣ XVI вѣка, на стоглавомъ соборѣ, было заявлено: когда епископы спрашивали священниковъ: «почему они мало умѣютъ грамотѣ?» то они отвѣчали: «мы учимся у своихъ *отцовъ и мастеровъ*, и учиться болѣе намъ *неидетъ*; сколько отцы наши и мастера умѣютъ, на столько и насъ учать»; «а отцы ихъ, заиѣчали члены стоглаваго собора, потому такъ мало умѣютъ и силы божественнаго писанія не знаютъ, что *учиться имъ неидетъ*»⁴⁾. Къ какому же результату пришли члены стоглаваго собора? На соборѣ было постановлено завести по городамъ училища, въ домахъ священниковъ и діаконовъ; «которые учили-бы своихъ учениковъ, грамотѣ читать, писать и пѣть, а также *псалтири, напойному чтенію и канонарханію по церковному чину*; чтобы они, прійдя въ возрастъ, могли быть достойными священническаго чина»⁵⁾. Слѣдовательно учебный идеалъ и въ половинѣ XVI вѣка оставался тотъ же самый, какъ и въ X. Между тѣмъ, въ это время западная Европа переживала

1) Акты Историч. I, № 105.

2) «Совѣтъ мой, писалъ Геннадій, такой: сперва пусть будетъ истолкована азбука съ гнями, потомъ подтительныя; за тѣмъ выучить твердо *псалтирь съ возмѣдованіемъ*; тогда можетъ канонархатъ и читать всякую книгу». Ibid.

3) Полн. собр. рус. лѣт. VI, 186.

4) Стоглавъ, гл. 25.

5) Ibid. гл. 26.

уже эпоху возрожденія и вступила въ борьбу съ схоластикою. Но такъ какъ взглядъ на учебное дѣло у насъ оставался тотъ же, то и результаты новыхъ распоряженій, не осмысленныхъ болѣе живою цѣлью и предоставленныхъ доброй волѣ духовныхъ отцовъ, не могли быть лучше прежнихъ. Правда, Одерборнъ говоритъ, что «въ школахъ при храмахъ учатъ дѣтей первымъ началамъ»; (при чемъ выражается: «*катехизации* нѣтъ»); но едвали это извѣстіе имѣетъ обширное значеніе, не говоря уже о крайне-незначительномъ преподаваніи; потому что одновременно съ нимъ Кобецель, самъ бывший въ Москвѣ (1576 г.), замѣчаетъ: «Во всей Московіи нѣтъ школъ и другихъ способовъ къ изученію наукъ, кромѣ того, что учатся *въ обителяхъ*, а потому изъ тысячи едвали одинъ найдетсѣ, ктобы умѣлъ читать или писать»¹⁾. Это извѣстіе подтверждается и свидѣтельствомъ Маржерета (около 1600 г.), который, говоря, что въ его время «одни священники наставляли юношество чтенію и письму», прибавляетъ: «чѣмъ впрочемъ немногіе занимаются»²⁾

Между тѣмъ какъ школа въ древней Россіи на первыхъ порахъ утратила образовательное значеніе, такое значеніе приобрѣло другое учрежденіе—*монастырь*. Но, для правильной оцѣнки его вліянія, мы должны прежде прослѣдить характеръ новыхъ идей, выработанныхъ въ византійскомъ обществѣ и которыя были перенесены на русскую почву помимо узкой сферы древней школы.

«Съ періода новой академіи, говоритъ Дрэнеръ, паденіе греческой философіи было непрерывно. Изобрѣтающій геній уже не существовалъ; мѣсто его заступилъ комментаторъ. Не тревожась изслѣдованіями объ абсолютной истинѣ, философы ищутъ поддержки въ воззрѣніяхъ прежнихъ временъ, и дѣйствительныя или воображаемыя мнѣнія Пифагора, Платона и Аристотеля принимаютъ за критеріумъ. Въ этомъ періодѣ старости философіи люди начинаютъ поступать такъ, какъ будто въ человѣческомъ племени никогда не существовало ни самостоятельныхъ изслѣдованій, ни открытій, и какъ будто вся истина, которою обладаютъ люди, была не произведеніемъ мысли, а остаткомъ прежняго откровенія небесъ откровенія теперь совершенно забытаго, вслѣдствіе грѣховности и паденія человѣка. Есть нѣчто весьма грустное въ этомъ совершенномъ прекращеніи изслѣдованія. Умственный толчокъ, кото-

1) De legat. ad Moscov. ed. Starczewsky. pag. 15, 39, 40.

2) Записки Маржерета, 260.

рый общать продолжительное существование, при содѣйствіи, сообщенной ему столькими вѣками, силы, казалось, вдругъ совершенно истощился. Политика первыхъ цесарей много способствовала такому быстрому наступленію застоя. Принципъ свободы мысли, признанія котораго необходимо требовало существованіе различныхъ философскихъ школъ—этотъ принципъ былъ слишкомъ способенъ заявить себя въ стремленіи къ политической свободѣ. Въ то время, какъ императоры лишили школы Греціи, Александріи и Рима того первенства, на которое онѣ претендовали, и черезъ это относительно возвысились провинціальныя школы, какъ напримѣръ въ Марселѣ, Родосѣ, первая безъ шума и частнымъ путемъ начала то соперничество, которое было предтечею великой теологической распри, происшедшей между ними въ послѣдующіе вѣка за политическую власть¹⁾.

Общее направленіе философіи этого періода, имѣвшего громадное вліяніе на послѣдующее развитіе мысли въ Греціи, представляетъ тѣсную связь философскихъ понятій съ религіознымъ міросозерцаніемъ востока. Еврей Филонъ, жившій во время императора Калигулы, основывалъ философію и всякое полезное знаніе на преданіяхъ о моисеевыхъ временахъ и аллегорически объяснялъ священное писаніе. По его мнѣнію физическія изслѣдованія приносятъ очень мало пользы, а потому человекъ долженъ надѣяться только на безгрѣшную жизнь и пламенную вѣру. Онъ выдавалъ себя за боговдохновеннаго. Міръ представляется ему главнымъ ангеломъ и первымъ сыномъ Бога; всѣ силы божества соединяются въ одну—«логосъ» или св. слово; а высшими проявленіями божества называются—творческая мудрость и правящее милосердіе. Но такъ какъ съ понятіями о Богѣ несогласно происхожденіе зла, то Филонъ выводитъ его отъ этихъ силъ, принимая теорію эманациі. Но Филонъ былъ слишкомъ отвлеченъ для простаго пониманія. Аполоній Тіанскій стоялъ ближе къ жизни. Онъ способствовалъ популярному распространенію ориентализма. Онъ выдавалъ себя за пророка и чудотворца; велъ жизнь аскета въ полномъ смыслѣ слова; стремился преобразовать религіозные обряды и нравственность общества; отрицалъ дѣйствительность жертвоприношеній и замѣнялъ ихъ простымъ поклоненіемъ и чистою молитвою. Очищая такимъ образомъ религію отъ испорченности вѣшнихъ формъ, Аполоній падалъ и на постоу,

¹⁾ Дрэнперъ, Исторія интеллектуальнаго развитія Европы. I. 179.